

“Солдаты” гор. Войско горцев времён имама Шамиля в 1830-1860 гг.

В.В. Стецов

Изобилующая яркими эпизодами эпопея кавказских войн, сложные перипетии борьбы горских народов за свою свободу и независимость с давних пор привлекали внимание. Что это была за война, какие события произошли в эти годы, современный читатель почти не знает.

Этому есть объяснения – идеологические шоры прежней власти, старающейся затушевать “невыгодные” факты истории России. Но ещё меньше мы знаем, как выглядели люди той войны, находившиеся по разные стороны фронта. А ведь изложение военных действий воюющих народов может быть понятно только тогда, когда известны современные им материальные и нравственные средства, которыми могли располагать оба противника. Изучение этой стороны войны должно предшествовать рассмотрению военных действий.

Эта статья посвящена военной организации горских народов Северного Кавказа 1830-1860-х гг. Только ознакомившись с военным бытом горского населения можно указать на причины, вызвавшие какое-либо историческое событие или распоряжение. При изложении истории Кавказской войны более чем где-либо, необходимо знакомство с *войной системой горцев*.

Именно особенности военного быта вызвали и особенный характер военных действий на Кавказе. Тот образ войны, который был удобоприменим на правом фланге Кавказской линии (на Кубани и Лабе) и в Чечне, не мог считаться хорошим в Дагестане или на Лезгинской Линии.

Народы

Переходя к изложению темы, следует предварительно напомнить места расселения северо-кавказских народов того периода. В северо-западной части Кавказского хребта, по обоим склонам располагались народы адыги или черкесы. По побережью Чёрного моря селились убыхи. Центральную часть Кавказа занимали кабардинцы. Несколько южнее кабардинцев расселялись балкарцы и осетины. Восточнее осетин по реке Сунже и Сулакском хребте жили чеченцы. В низовьях Терека и Сулака поселились кумыки. Большую часть Дагестана, за исключением его прибрежной части, населяли народы, принадлежавшие к аварцам (или лезгинам, как их называли современники). В прибрежной полосе население было смешанным – аварцы, татары (азербайджанцы), турки, персы и т. д.

Государство Шамиля

В самый разгар борьбы горцев против царской России на территории Чечни и Дагестана возникло теократическое государство, которое возглавил имам Шамиль и получившее, поэтому, название имамата. Шамиль принял звание “имам-уль-азам” – великий имам, глава веры, а впоследствии –

главы правоверных, объявил себя поборником шариата и главой мюридизма. По определению самого Шамиля, имамат занимал территорию, включавшую южные части Чечни и северные районы Дагестана (без Кумыкии). Государство было разделено на наибства. Количество наибств часто менялось, но их было не менее 30. По свидетельству кн. Орбелиани “под властью Шамиля состоит ныне 100-150 тысяч дворов покорных ему жителей”.

Не все горские народы признавали власть Шамиля – особенно те, которые находились на Западном Кавказе. Но интересы борьбы против общего противника заставляли их временно от времени объединять военные усилия. Прочность этих объединений зависела от степени удач и неудач военных предприятий имама.

Значительные успехи Шамиля были обусловлены несколькими причинами, и прежде всего личными качествами.

Не имевший военного образования, он в то же время обладал большим умом, военными наклонностями и в высшей степени энергичным характером.

Не раз выражение этих личных качеств имама ставило в крайне затруднительное положение опытных военачальников. Наиболее характерный пример – его искусные, энергичные и решительные действия в 1843 г. Шамиль не упустил благоприятного шанса и мгновенно решил вырвать Аварию из русских рук. Отдельные и разбросанные укрепления не смогли противостоять крупным силам. Царские генералы пренебрегли военным принципом – “кто хочет прикрыть всё – не прикроет ничего”. Первые успехи горцев под руководством Шамиля увеличили силы ополченцев в физическом и моральном планах.

Отдавая должное его военным способностям, нельзя отказать ему и в организаторских. Искусно воздействуя на религиозный фанатизм и материальные интересы горцев, он сплотил и дисциплинировал свои разнovidные войска и руководил ими так умело, что они сделались достойными соперниками российских солдат.

Имам Шамиль.

Хромолитография неизвестного художника 19 в.

Военная система войск горцев

Хотя Шамиль и старался придать правильную военную организацию и ввести определённую военную систему, он не вполне достиг этого. Рассмотрим суть этих организаций.

В основании военного устройства лежало поголовное вооружение всего мужского населения, обязанного нести службу. Но не в виде набора, существующего для комплектования постоянного и организованного войска, а в виде частных или общих ополчений, созываемых по мере надобности, и в таком числе, какое вызывалось необходимостью и обстоятельствами.

По данным советника Шамиля, чеченца Юзуфа Гаджи в 40-х годах XIX в. численность постоянных войск в имамате доходила до 15 тыс. чел., из них 5880 - конных и 8870 - пеших, всего - 14750. Сам Шамиль считал, что его военные силы в разных пунктах имамата достигали до 60 тыс. чел. В отдельных походах участвовали 10 и более тысяч воинов.

Вызвать народ к такому всеобщему ополчению для Шамиля было гораздо легче, чем образовать регулярное войско. Горцы, привыкшие к свободе, трудно смикались с идеей о подчинённости и дисциплине. Они гораздо охотнее откликались и вооружались, в случае надобности, все поголовно.

Подобное вооружение считалось делом богоугодным. На этом основании и духовенство не исключалось из общего правила всеобщего вооружения, хотя оно редко воевало именно оружием. Шамиль наставлял их "сражаться языками", т. е. вдохновлять и ободрять сражающихся.

Для комплектования войск Шамиль обязал каждое семейство выставлять одного вооружённого конного или пешего воина, снабжать его провиантом и исправным вооружением (винтовкой, пистолетом, шашкой и кинжалом). Иногда отдавалось приказание, чтобы выходили все жители из аулов, исключая женщин и неспособных носить оружие. За уклонение от военной обязанности (а с течением времени таких становилось всё больше) сначала наказывали трёхмесячным заключением, иногда подвергали телесному наказанию, но позже всё заменили денежным штрафом. К уклоняющимся селили тавлинов (из дагестанцев) и они скоро заставляли наказанных повиноваться. Причём, всё это происходило без кровопролития. Мера штрафов оказалась весьма эффективной, так как горцы боялись разорения своего хозяйства.

Итак, в основание военной организации Шамилем было положено поголовное ополчение народов гор. С этой целью все народы, признававшие власть Шамиля, были разделены на десятки, сотни, пятисотни и тысячи, или наибства. По словам самого Шамиля, все его военные силы разделялись на кавалерию "феварис" и пехоту "мешшат", в соотношении 7 к 5.

Тактической единицей войска был "альф" – нечто вроде полка, состоящего из 1000 чел. Каждый полк делился на два батальона или эскадрона – "хамса-миа", по 500 чел. в каждом. А в батальоне было 5 рот – "миа", по 100 чел. Рота состояла из 2 взводов "хамсин", по 50 чел., а взвод из 5 капральств "амара". Сообразно с таким делением и начальники носили названия: "раисуль-альф" – командир полка, или правильнее, тысячник (все наибы считались тысячниками, но если их недоставало по числу полков, то командирами их назначались особые лица); "раису-хамса-миа" – пятисотенник, "раисуль-миа" – сотник, "раису-хамсин" – пятидесятник, "раису-амара" – десятиник. Каждый из этих лиц имел особое наружное отличие, состоявшее из серебряного знака, крепящегося слева или справа над газырями чеченски.

Знаки тысяченника и пятисотенника представляли собой серебряные пластины в виде круга, разделённого двумя кругами на три части. В первой и большей части помещалась кругом по-арабски надпись: "Если ты предаёшься войне, то малодущие – в сторону. Терпи все её невзгоды: нет смерти без назначения". В 4-х противоположных местах второго круга по 2-м перпендикуляр-

ным диаметрам, писались первые два символа мусульманской веры: "Нет бога, кроме Аллаха; Магомет – его пророк". Наконец, в центральном круге писалось звание коменданта – т. е., что он тысячник или пятисотенник.

На знаках остальных лиц обозначалось только одно звание. Сами знаки были: для сотника – серебряная пластина, имеющая вид месяца, нижняя часть которого имела вид выгнутой линии; для пятидесятиника – треугольная пластина с тупыми выгнутыми углами; для десятника – медный, продолговатый прямоугольник, с фестонами на концах.

Сообразно с замыслами, сбор войск горцев назначался в наибствах, причём указывалось сборное место и условия, необходимые для похода. Уведомление о сборе и вообще все приказания Шамиля передавались чрезвычайно быстро: они развозились наручными, имевшими от имама документ, по которому им везде оказывали помощь. В случае надобности Шамиль сам рассыпал своих мюридов, с приказаниями собрать войска. Наибы, получив приказ, через нижестоящих начальников доводили его до горцев. Каждый сотник вёл свою команду на назначенный сборный пункт. Не допускалось смешение частей разных наибств.

Отдельный начальник имел свой значок, состоящий из прибитого к древку лоскута цветной материи. Вообще каждое горское общество имело свой значок. Наибы – по два, Шамиль – три. У наибов – 1-й – жёлтый, 2-й – белый с красными каймами.

Знамён у Шамиля было несколько. Первое – белое полотнище из х/б ткани с глубоким треугольным вырезом. Второе – шёлковое зелёное полотнище с двумя глубокими вырезами, с розовыми краями. Третье – домотканое полотнище зелёного, розового, жёлтого цветов с глубоким треугольным вырезом; четвёртое – красное полотнище с белой бахромой, с небольшим треугольным вырезом, посередине – жёлтые полумесяц и пятиконечная звезда. Простое знамя – четырёхугольное, красное полотнище с белыми краями и синими уголками и жёлтым полумесяцем. У Хаджи-Мурата было четырёхугольное белое полотнище с растительным орнаментом, на углах четыре цветные полоски, а посередине три круга из цветной ткани (как знак тысяченника). У наибов Даниял-бека, Бук-Магомеда, Магомы Омара и др. значок представлял собой белое х/б полотнище с глубоким треугольным вырезом. Однако, иногда в отряде было по несколько значков, потому, что каждый джигит, уверенный в своём военном мастерстве, мог иметь свой значок.

Положения относительно действий войск и их обязанностей были весьма немногочисленны и несложны. Каждый отряд должен был охранять порученное место, если это было необходимо, то защита этого участка усиливалась возведением укреплений. Наступление и отступление горцы должны делать сплошною массою, и не оставлять без защиты имама. Во время военных действий никто не имел права оставлять свой пост без особого на то разрешения. Вот и все постановления – всё же остальное предоставля-

лось воле начальников.

За малейший признак трусости, по постановлению Шамиля или наиба, на рукав чеченски струсившего воина нашивался кусок войлока, который он должен был носить на себе впереди до отличия – единственного способа смыть с себя позорное пятно труса.

Наибы

Шамиль ввёл новую администрацию, положил начало к основанию войска, издал свод новых постановлений (военных и гражданских), известный в городах под названием "назам", т. е. постоянный, регулярный.

Как мы уже говорили выше, административное деление государства Шамиля состояло из "наибств", с поставленными во главе их правителями – наибами. В лице наиба соединялись гражданская и военная власти, ему предоставлены были весьма значительные права. Позднее для наибов были составлены должностные правила. Но в основании положения о наибах лежало беспрекословное повиновение воле имама.

Пост наиба могли занимать "только люди истинно храбрые и мужественные". Все они выросли из абреков, из партизан, были людьми смелыми до безрассудства, хитрыми, пользующимися авторитетом у народа и противника, но совсем неподготовленными к большой и долгой войне. Наиболее известными наибами Шамиля считались Кубит-Магома, Лабазан, Абакар-Дебир, Али-Бек, Сурхай, Магомет-Амин, и, конечно, Хаджи-Мурат, слава которого пугала самого имама. Все наибы носили на правом плече серебряные пластинки, которые служили им вместо эполет. Главнейшей, и даже, можно сказать, исключительной обязанностью наиба были дела военные. Каждый из них должен был наблюдать за границей своего участка и оберегать его от неприятельского вторжения. В пределах своего участка наиб организовывал и контролировал постройку оборонительных стен, защиту границ, пресекал неприятелю пути отступления и пр. Хаджи-Мурат сообщал, что каждый наиб выставлял до 1000 человек, некоторые меньше, а некоторые и до 2000.

Наибу было предоставлено всё военное управление, за исключением сложных наступательных предприятий. В каждом наибстве содержались постоянные и усиленные посты, известные под именем ворот-гапа, наблюдавшие за границею и собирающие сведения о неприятеле. Такие ворота были расположены вблизи мест доступных движению русских отрядов. Наибы почти постоянно находились при своих воротах.

Выезд или приезд наиба в пределах своего наибства обозначался выстрелом из орудия. Как правило, наиба сопровождало 300-400 всадников из лучших наездников. Рядом с наибом везли его значок – длинное древко с цветным полотнищем и навершием из шара с полумесяцем. По числу значков можно было определить численность отряда горцев.

Мюриды

Серьёзной военной силой имама были мюриды. Учение мюризма в Дагестане

Горец с белой лошадью. Офорт Л. Дмитриева-Кавказского по оригиналу Ф. Горшельта, 1874 г.

приняло совершенно противоположное направление, чем на мусульманском Востоке. Здесь мюриды были двух родов: мюриды тариката и мюриды наибских. Первые посвящали себя религии. Другие, более многочисленные, избрали для себя военное поприще и выполняли различные военные, административные и карательные функции. Они превратились фактически в служилую господствующую верхушку имамата.

Наибским мюридом мог стать горец, достигший 15 лет. Однако, вступление в мюриды было связано с рядом условий, первым из которых была материальная обеспеченность. Это звание давалось тому, кто был лично известен наибу. От такого мюрида не требовалось ни особенной религиозности, ни глубокого познания исламской мудрости, достаточно было того, чтобы он немного разбирался в Коране, но за это требовали от него убеждения в необходимости священной войны (газавата), физической подготовки и умения владеть оружием. Более всего требовалось строгое повинование своему наибу, как бы ни бесчеловечны и нелепы были его приказания.

Всё — лошадь, оружие, одежду, деньги — мюрид получал от наиба. Служба мюридов считалась самой почётной в горах. Мюриды, особенно состоявшие лично при Шамиле, одним своим видом внушали страх. Каждый вступающий в мюриды к самому Шамилю или к его приближённым, приносил присягу на Коране. На полном иждивении самого има-

ма было 132 мюрида, составлявших его личную дружину. Шамиль утверждал, что общее количество мюридов не превышало 400 чел., хотя на самом деле их было в несколько раз больше. Согласно имеющимся сведениям, кроме указанного числа мюридов, в личную стражу Шамиля входило и 300 беглых русских солдат.

Внешними отличиями мюрида были: чалма или тюрбан на голове, красенная хной борода треугольной формы, серебряное или медное кольцо на мизинце правой руки. Одежда мюрида была лучшего качества.

Чтобы ещё более поднять мюридизм в глазах народа Шамиль установил особые правила, по которым весь народ носил чалмы, как символ мюридизма. Муллы носили зелёные чалмы, наибы — жёлтые, сотенные начальники — пёстрые, чауши (глашатые, десятники) — красные, лица, побывавшие в Мекке — коричневые (гранатовые), палачи и

сборщики налогов — чёрные, все остальные, в том числе и сам Шамиль, — белые.

В военных операциях мюриды всем управляли и распоряжались. Они всех ободряли и побуждали словом, силой и собственным примером. Они были упорны и храбры до исступления, но само ополчение горцев, в целом, было мало боеспособным.

В жарких схватках горцев с русскими каждый пункт обороны был под наблюдением особых начальников или избранных мюридов, и все важнейшие участки поручались известным лицам, присутствие которых обозначали значками.

Легче было иметь дело с несколькими тысячами ополченцев, хотя бы под предводительством самых храбрых горцев, чем атаковать несколько сот мюридов, окруживших предводителя и укрепившихся на позиции. В первом случае, одна искусно направленная и решительная атака обращала в бегство толпы ополченцев. Во втором же случае, когда приходилось иметь дело с одними мюридами, каждый пункт надо было брать после упорного боя, при этом огонь мюридов был убийственным. Они не просто стреляли в толпу солдат, а всегда — прицельно, наведя по несколько ружей на каждый проулок, поворот, тропинку — словом туда, где могли показаться солдаты.

Муртазеки

Для помощи наибам, только в Чечне, были

учреждены муртазеки — так их называли жители, очевидно от арабского слова “муртазикат” — наёмный воин. Эти люди, полностью посвятившие себя войне, несли караульную или кордонную службу по всей границе немирной Чечни. Цель этого учреждения была двоякой. С одной стороны — привязать к себе некоторое число горцев, готовых всегда пожертвовать своей жизнью. С другой стороны — наблюдение за исполнением правил шариата, в селениях, где квартировали муртазеки. В состав этого, как бы постоянного войска, выбирался из 10 семей один всадник. Муртазеки получали жалование, содержались за счёт жителей аулов, куда их назначали. Общее их число доходило до одной тысячи человек (хотя есть и цифра до 5 тыс.). Они разделялись на десятки, сотни и пятисотни. Пятисотенными начальниками назывались почти везде наибы. Пятисотенные и сотенные начальники носили на груди медали с надписью: “нет сильнее помощи божьей”. Храбрейшие из них имели на шашках кисти, вроде темляка. Десятники особого знака отличия не имели, но выбирались из более достойных воинов.

Шамиль пожелал обмундировать муртазеков. Им сшили костюмы наподобие чеченских: простые всадники должны были иметь жёлтые черкески и зелёные чалмы, их начальники — чёрные черкески и зелёные чалмы.

Муртазеки участвовали во всех стычках. И там, где их было значительное количество, военные действия отличались особым упорством.

Кавалерия

Шамиль особенно заботился об организации кавалерии, способной к быстрым и дальним переходам, и с этой целью ввёл порядок: перед каждой военной операцией, в особенности дальней, осматривать лошадей каждого всадника. Если лошадь признавалась неспособной выдержать дальний путь, то её оставляли дома вместе со всадником. Это считалось большим стыдом и бесчестием, и бывало крайне редко. Если горец не имел собственной хорошей лошади, то брал её напрокат у соседа, за что не платил. Готовясь к ночных операциям, горцы содержали лошадей в тёмных помещениях, чтобы они отлично видели в темноте.

Конское снаряжение состояло из седла, железных стремян, сбруи из сырой матовой кожи. Кавказские седла были высокими, с луками, оклеенными цветным сафьяном и украшенными орнаментированными пластинками. Круглые стремена красили в красный или чёрный цвет. Конём горцы управляли без шпор, при помощи небольших хлыстов. Лучшими кавалеристами, по праву, считались кабардинцы, черкесы и закубанские ногайцы.

Пехота

Имамом была предпринята попытка организовать регулярные “пехотные части”, которые исследователи иногда называют “назам”. К концу 1851 г. из тавлинцев было сформировано 10 дружин, соответствовавших по численности русским батальонам. Каждая

дружина в 500 чел. имела своего начальника, а 4 дружины, образовавшие полк, подчинялись особому наибу. Стой у горцев был принят, подобный русской пехоте, а учителями явились солдаты-дезертиры, которые создали Шамиль и артиллерию. Ружейным приёмам горцы, конечно, не обучались, но они двигались по команде, ходили в ногу и делали довольно стройно несложные перестроения.

Утром 27 февраля 1851 г. Шамиль сам произвёл смотр одному из этих полков, и в первый раз двинул его на Шалинскую поляну в Большой Чечне, желая проверить на опыте результат своего нововведения.

Местность, по левому берегу р. Басса, где двигалась пехота горцев, представляла собой открытое поле, усеянное только редкими дубками. Такого прекрасного случая к кавалерийскому делу ещё не представлялось нижегородским драгунам. Три эскадрона драгун (2-й, 8-й и 9-й пиклерный) развернули фронт и, имея на флангах линейных казаков, понеслись через поляну широкой рывью. Чеченская конница, пытавшаяся было загородить им путь, была моментально отброшена и эскадроны ринулись карьером. Тавлинская пехота, построившаяся в каре, встретила их беглом огнём, - но выстрелы её оборвались разом: пиклеры, драгуны и казаки врезались в неприятеля.

Растерявшиеся и прижатые к речке горцы, могли защититься только прикладами, а их рубили шашками, кололи пиками, топтали конями, сбрасывали с круч и топили в Бассе. Такого страшного истребления за последние 10-15 лет не помнил никто из лезгин и чеченцев. 270 тел лежало на самом месте схватки – а сколько ещё разбилось при падении с круч, или было поглощено речкой! Ничтожные остатки бежали с поля боя и рассеялись, как рассеялась и сама затея Шамиля более, не пытавшегося поднимать вопроса об учреждении в горах регулярной пехоты.

Артиллерия

До 30-х годов у горцев не было артиллерии. А захватив в бою орудие, они “прилагали все ухищрения разломать эту пушку”. По сообщению Бларамберга у черкесов было 8 турецких пушек, однако они не умели ими пользоваться, так что эта артиллерея не представляла для них никакой пользы. Однако почти все горские народы во время экспедиций русских войск ощутили на себе эффективность этого оружия. Но только Шамиль сумел добиться, чтобы у горцев тоже появилась своя артиллерея.

Первые попытки изготовить собственные пушки были сделаны в 1840 г. Всего за время существования имамата было произведено 40-50 пушек, из которых годными были признаны 12-14. Сделал Шамиль и попытку освоить изготовление и использование боевых ракет, однако она закончилась полной неудачей.

Во время печального для русских войск и наиболее успешного для имама 1843 г., горцам удалось захватить довольно значитель-

ное число горных и лёгких орудий. По словам Шамиля, его артиллерея доходила до 100 орудий.

Артиллеристы находились на совершенном особом положении. Первоначально (с 1843 г.) они состояли исключительно из беглых солдат, поселённых целой слободкой в ауле Дарго – резиденции Шамиля. Именно благодаря этим людям скоро заговорили пушки горцев. Конечно, не вся прислуга горской артиллереи состояла из бывших солдат-артиллеристов. Как правило, они были командирами орудий, наводчиками, бомбардирями. Все остальные номера в расчёте были горцами.

По свидетельствам очевидцев, орудия были в прекрасном состоянии, лошади были сильные и поворотливые в щегольских упряжках. Как правило, каждое орудие (иногда батарея) обозначалось знаками с чёрным полотнищем.

Определённые трудности представляло снабжение артиллереи Шамиля боеприпасами. Это в равной степени относилось как к пороху, так и к снарядам различных типов. Поэтому главным источником, из которого горцы пополняли свои запасы, были трофеи, захваченные у русских войск. Нередко после боя горцы подбирали ядра, выпущенные русской артиллерией.

Значительно хуже обстояло дело с артиллерией у горцев Западного Кавказа. Здесь пушки принадлежали отдельным владельцам, были в плохом состоянии и обслуживались неквалифицированными людьми.

Правда, можно отметить действия артиллереи у племён Черноморского побережья, где артиллерией фактически распоряжались и обслуживали турецкие и европейские агенты, засыпаемые на Кавказ. Начальником всей артиллереи считался Яхья Хаджи, который подчинялся только Шамилю.

В зависимости от обстоятельств имам распределял артиллерию между своими наибами. Выделяя орудия в их распоряжение, Шамиль предписывал им беречь их. Боясь гнева имама, наибы не рисковали своими пушками и предпочитали действовать из них с дальнего расстояния, поэтому выстрелы их не наносили практического ущерба. Оберегая свои пушки, горцы достигли большого совершенства в искусстве моментально снимать с огневой позиции и прятать орудия в различных труднодоступных местах. По словам очевидцев, “в искусстве прятать свою артиллерию в минуту крайней опасности, горцы... могли перешагнуть все народы земного шара”.

Особенно горские артиллеристы опасались нижегородских драгун, которые применяли своеобразную тактику борьбы с артиллерией. Эскадрон драгун, растягиваясь цепочкой, начинал движение к орудиям. Являясь невыгодной целью, цепь кавалеристов, тем не менее, представляла опасность, от которой горцы сразу увозили орудия.

Создание артиллереи является одним из наиболее существенных звеньев в цепи мероприятий, предпринимавшихся Шамилем для создания регулярных вооружённых сил,

и, следует отметить, здесь ему удалось добиться наибольших успехов.

Награды

С 1841 г. имам Шамиль учреждает особые почётные наградные знаки. Сложная система наград Шамиля была элементом в области упорядочения организационной структуры его войск – введение твёрдо установленных командно-должностных званий, присвоение которых и само по себе рассматривалось как почётное пожалование. Награды Шамиля были исключительно военными, служившими идею газавата – священной войны. Поскольку решающим качеством при назначении командиров считалась храбрость, то должностные знаки, внешне очень сходные с наградными, по сути, мало отличались от последних.

Людей, преданных имаму, отличавшихся умом, храбростью, военными способностями и приверженностью к мюридизму, Шамиль назначал наибами – высшей степенью военной и гражданской власти. Награждал Шамиль и чинами – званиями пятисотенника, сотника и десятника.

Ордена состояли из разных степеней, были различного вида и конструкции. Разноугольные звёзды, изображение полумесяца с помешённою над ним саблей, выпуклый круг в виде пуговицы и серебряные треугольники с отсечёнными углами и чернью, составляли ордена, украшенные именем получившего и различными надписями, стихами из Корана. Так, за усердие вручались звёзды четырёхугольного вида и круглые медали, за храбрость – знак треугольной формы для ношения на груди, с надписью “храбр и мужествен”, кисть на шашке, вроде темляка – за особое мужество и неустрашимость; именную надпись на кисти к шашке “нет (такого-то) храбрец, нет сабли его острее”. Ордена носились на ремешке из сырой кожи.

Кроме орденов имам награждал отличившихся эполетами типа кавалерийских драгунских, причём левый эполет был меньше правого. На обоих делались произвольные надписи.

Давшие присягу погибнуть за Шамиля, носили на чалме прямоугольную нашивку из материи зелёного цвета. Бежавшие из плена от неприятеля имели, своего рода, отметку – им пришивалась на спине медная четырёхугольная бляха.

Награду достойных очень часто составляли разного рода подарки, почётное оружие, одежду, лошади, деньги, барабаны и т. п.

Удивительной особенностью наградного дела в имамате было то, что правом пожалования пользовался не только Шамиль, но и его наибы. За главой государства оставалось только право награждения командной верхушки. Награждать среднее и низшее звено могли наибы. Этим и объясняется разнообразие знаков.

Уже через год после их учреждения становятся известными храбрецы, успевшие получить по несколько разных наград.

(Окончание следует)

А.Н. Ежов. "Солдаты" гор. 1. Наib. 2. Сотник из черкесов. 3. Пеший горец (абадхез) в походе. 4. Шапсуг-стрелок. 5. Кабардинский уорк.

“Солдаты” гор. Войско горцев времён Шамиля в 1830-1860 гг.

В.В. Стецов

Тактика горских народов в войне

Сражаясь с общим противником, кавказские народы делали это каждый по-своему, с учётом социального строя и национальных традиций. Именно эти особенности отражались на военной организации каждого народа в отдельности.

Так, адыгейские феодалы жили под лозунгом “честь и война”. Кабардинцы, темиргоевцы, бесленеевцы, жившие на равнине и имевшие большое число лошадей, образовывали отличную конницу (с ними были сравнимы ногайцы, да линейные казаки). Шапсуги не любили много стрелять, абадзехи лучше дрались в пешем строю, чем на коне. Сами горцы говорили, что “шапсуг – рубака, абадзех – стрелок, а чеченец – за завалом крепок”. Хорошо дрались в открытом поле убыхи. Они атаковали всегда рядами в две шеренги. Ни в одном черкесском народе не существовало никакой системы военной организации. При появлении врагов, понятия о чести и достоинстве требовали, чтобы все участвовали в защите отечества. Когда заранее готовились, то они принимали определённые меры к обороне, избирали руководителей, вокруг которых создавались отряды, обязанные действовать по их указаниям.

В поле черкесы действовали более в рассыпном строю и очень редко – наступательно. Долгий процесс заряжения горцем нарезного ружья давал русским солдатам время быстро сблизиться с противником. Горцы понимали это и поэтому почти никогда не тратили времени на вторичное заряжение.

В конном строю они наскакивали на противника с плетью в руке, шагах в 20 от солдатского строя, наездник выхватывал ружьё из чехла, стрелял, перекидывал ружьё через плечо, обнажал шашку и рубил. Особенно удачно они действовали, когда замечали в солдатских цепях или рядах беспорядок. Почти никогда они не встречали войска с фронта, а нападали на фланги и арьергард. С фронта они действовали только в тех случаях, когда этому благоприятствовала местность. В пешем порядке черкесы дрались у себя в лесах и горах, метко стреляли с при помощи своими длинными винтовками. В оборонительной войне они умело использовали местность, чтобы нанести неожиданный удар.

Черкесы и убыхи не укрепляли своих аулов и защищали их только при внезапном нападении. А если знали заранее, то выселялись в горы и леса. Это происходило потому, что турлучные постройки были дёшевы в изготовлении.

Слава черкесов была не в защите, а в на-

(окончание, начало в № 13)

падении. Отдавая преимущество набегу перед защитой, редкий горец не участвовал в действиях подвижных отрядов. Самое главное достоинство они приписывали себе в набегах на Кавказскую или Черноморскую кордонные линии, и, надо отметить, что подобными набегами долго и удачно тревожили русские пределы. Эти маленькие отряды (или как их называли современники – партии) были гораздо опаснее, чем отряды в несколько тысяч человек.

В наступательных действиях черкесов, в их нападениях на кордонные линии, обычно участвовали только добровольцы или “охотники”. В таких набегах участвовало 5-10 пеших или 20-30 конных горцев.

На укрепления черкесы редко отваживались нападать, но на Черноморской береговой линии были примеры их отчаянных штурмов, особенно убыхами. Так, 1846 г. они днём напали на форт Головинский, отряды были посажены по два всадника на каждую лошадь. Прокакав под картечными выстрелами, они спешались, и бросились на бруствер, но были отбиты.

Когда собирались большие отряды (от 800 до 3 тыс. чел.), то начальник отряда избирался на месте сбора. Отряд делился на *отдельные партии* – 10-100 чел. из одного аула, имел своего старшину. После проверки, прежде всего, назначались люди в состав авангарда и арьергарда. В безопасных местах авангард и арьергард следовали вместе с отрядом, а когда необходимо, отделялись на километр и более.

Военные действия чеченцев состояли преимущественно в нападении на колонны войск, на рабочие команды в районах передовой линии.

Очень редки были действия горцев против станиц, городов, укреплений. Успех операции чеченцев состоял в скрытом, внезапном появлении и быстрым настаске. Отличные и ловкие стрелки, чеченцы, умело пользовались прикрытием леса и во время боя в лесу имели преимущество перед регулярными частями. Скрывшись в чащах леса, они следили за движением частей, поражали меткими выстрелами. Иногда, сделав залп по солдатам, бросались в шашки и, прорвав цепь, врывались в обоз. Вообще, при нападении, чеченцы отличались своей дерзостью и смелостью, но были очень нестойки в случае решительного отпора.

Чеченцы были способны к наезднической войне: они делали быстрые, внезапные вторжения, пользовались любым случаем, чтобы напасть врасплох, неутомимо тревожили военные посты и цепи, – словом, вели малую войну. Подобные манёвры чеченцев повторялись до тех пор, пока не кончился лес или сами чеченцы не понесут значительного урона. Старые кавказские солдаты говорили, что в Чечне только тот кусок земли можно считать нашим, где стоял отряд.

На могиле своего погибшего героя чеченцы ставили длинный шест (копьё) с канусовым флюгером, обыкновенно белого, красного или голубого цветов.

По своим военным способностям, горцы Дагестана, далеко оставили за собой своих соседей – чеченцев. Все известные наибы – Сухрай, Али-Бек, Ахверды-Магома и сам Шамиль были аварды. Все важнейшие предприятия задумывались и совершались в Дагестане.

Все операции дагестанцев были здравы,

Отряд черкесов спускается с гор. Литография Е. Чичери с оригинала кн. Г.Г. Гагарина, 1840-е гг.

дальновидны, всегда основаны на знании местности и обстоятельств. Когда угрожала опасность их пункту, они обращались туда, где их не ждали, где не было русских войск. Переходы горцев с одного пункта в другой совершились весьма быстро. Так, в 1847 г. наib Дебир неожиданно напал на укрепление Тарки, пройдя за сутки 100 с лишним вёрст (106 км).

Дагестанцы превосходили всех горцев своим искусством строить укрепления. Завалы и все их укрепления всегда имели сильный перекрёстный огонь. Горцы Дагестана, хотя и были не так смелы, не так быстры и предприимчивы, как чеченцы, но были более стойки и решительны. Дагестанцы вели войну больших масштабов, иногда даже с завоевательными целями, или для защиты аулов. Они встречали русские войска открытым босм на крепких позициях, которые усиливали завалами, башнями, навесами от гранат. Занимали пещеры, переправы, овраги и держались в них с удивительной стойкостью, стреляли метко и дрались до последней крайности. Там, где не было крепких или удобных позиций, они защищались довольно слабо. На обозы и фуражиров нападали редко. Славу опытных пеших воинов имели тавлинцы.

Такой образ ведения войны дагестанских горцев был основан на том, что в Дагестане строительство домов, аулов было весьма дорогостоящим, острым был недостаток леса для строительства и возделываемой земли для пропитания. Поэтому для горцев было страшным бедствием приход русских войск. Этим и было вызвано то, что дагестанцы укрепляли свои позиции и всегда встречали солдат грудью.

Живших между реками Кубань и Лаба ногайцев, звали *закубанскими ногайцами*. Речь, обычай, одежда – всё перенято ими у черкесов. Но во многих случаях они даже лучше черкесов вели себя в сражении, особенно в конном строю и в стойкости их всадников на поле битвы. Закубанский ногаец отлично владел своим оружием, которое он любил и сохранял более всего.

Ведя кочевой образ жизни, при малейшей тревоге на пути, ногайцы тотчас же делали из своих телег четырёхугольное укрепление, которое защищали отчаянно. Не было примера, чтобы ногаец был взят в плен, ибо это они считали большим бесчестием, посрамляющим весь их род.

Коинюн и спаражение горца

Ведя разговор о военной организации войск северо-кавказских народов, нельзя обойти стороной вопросы одежды, снаряжения и вооружения горцев. Сразу следует сказать, что, в целом, оно было сходным у всех народов, хотя, конечно, были и отличия.

Исторические условия жизни горцев определили их пристрастие к оружию и общий подтянутый стиль мужской одежды.

Головным убором горцев Северного Кавказа служили мохнатая барабанья шапка. В

основном преобладали шапки двух видов. Высокая из овчины с цветным дном из сукна — такие шапки носили карачаевцы, осетины, часть дагестанских племён. На рисунках того времени мы видим такие высокие лохматые шапки с выпуклым верхом из мягкого войлока или сукна, что верх шапки наклоняется в сторону.

Для адыгейских народов были характерны низкие папахи с очень выпуклыми, почти в виде валика, меховым околышем и суконным полукруглым верхом, иногда перекрещенным галуном или шнуром. Эта шапка надевалась несколько набок. Шапки с суконным дном были, как правило, праздничными, для повседневной носки горцы пользовались меховыми шапками без дна.

В литературе часто встречается упоминание о чалмах или "турбанах", носимых на папахах. Такие чалмы носили (видимо под влиянием турок) знатные горцы, командно-административная верхушка государства Шамиля. О цветовой гамме тюрбанов мы уже упоминали выше.

Причёски горских мужчин описываемого периода – это коротко стриженные или бритые головы. Но некоторые авторы упоминают, что на макушке адыги оставляли пучок волос или чуб. Усы носили все мужчины, у многих – короткие подстриженные бороды. Все чеченцы брили головы.

К головным уборам горцев относится и башлык, представляющий собой капюшон с длинными закруглёнными лопастями. Его горцы Северного Кавказа использовали в непогоду, в сильную стужу, надевая его прямо на папаху и обматывая шею. В хорошую погоду он часто висел на плечах, на шнурке, спущенный капюшоном и лопастями назад. Зажиточные горцы часто украшали башлык галунами, шёлковой тесьмой.

Верхней одеждой кавказских народов являлась черкеска – наиболее широко известная мужская одежда. Название "черкеска" было дано этой одежде русскими, которые впервые увидели её на черкесах.

Черкески всех народов по покрою были одинаковы. Это кафтан с открытой грудью, без воротника, с полами длиной до колена или середины голени. На груди черкески, по обе стороны, вкось, нашивались напатронники — специальные кармашки для газырей, в которых хранились заранее отмеренные дозы пороха. Выступающие верхние части газырей украшали серебряным, позолоченным орнаментом или костью. Число гнёзд для газырей было от 8 до 18 с каждой стороны груди. До середины XIX в. газыричиши шили из кожи, чёрной или, чаще, красной, обшивали по краям галунами. У зажиточных горцев, военно-административных руководителей ворот, борта и полы черкески обшивались галунами. Рукава прямые и широкие, в праздничных черкесках — опускались ниже кисти. Застёгивалась черкеска

встык около талии. Черкеску носили застегнутой и подпоясанной узким ремешком-поясом, на котором висел кинжал, иногда, пистолет и шашка.

гося удивительной правдивостью своих произведений, горцы часто изображены с оборванными полами и рукавами черкесок. В чём дело? Для того, чтобы плотно засадить пулю в ствол, её обёртывали в лоскут материи. Ну, а если в бою этот запас оказывался на исходе, то приходилось, в буквальном смысле этого слова, рвать на себе одежду, что и зафиксировано пытливым взором художника. По обычаям там, где пролетела в черкеске пуля, заплат не клали. Удары шашки обозначались узкими сафьяновыми полосами, нашитыми изнанкой вверх на тех местах, где было прорублено. К этому можно добавить, что степень материального достатка также отражалась на внешнем виде черкески. Так, ногайцы, тавлиицы носили бедные, неряшливые и оборванные черкески, а последние к тому же и без газырей. Лезгинская черкеска, как правило, обшивалась галунами.

Под черкеску одевался *бешмет* – распашная рубаха из лёгкой ткани, верхняя часть которой обтягивала фигуру, а внизу она лежала свободно, иногда сборками. Бешметы первой половины XIX в. бывали без воротника на завязках или имели невысокий стоячий воротник, спереди сходящий на нет. Последний вид бешмета характерен для адыгских горцев. Бешмет имел длинные узкие рукава, иногда с треугольным выступом, который носили отогнутым. Длина бешмета чаще всего была несколько короче черкески. Застёгивался бешмет, так же как и черкеска, встык.

Адыги носили широкие штаны из сукна. У осетин, чеченцев, ингушей и дагестанцев штаны были более узкими. Как правило, штаны заправлялись непосредственно в обувь.

Специфической частью костюма горцев можно считать ноговицы. Надевали ноговицы поверх штанов, и они плотно обтягивали ногу от щиколотки до колена, а часто и выше. Для удобства натягивания они имели штрипки. Их шили из сукна, иногда из войлока, а парадные – чаще всего из сафьяна. В описываемый период ноговицы иногда шили из сукна разных цветов: например, снаружи – из красного, внутри – из чёрного. Были и другие цветовые сочетания. Ниже колена ноговицы закрепляли подвязками.

Обувь была приспособлена к природным условиям и образу жизни горцев. Современники отмечали у адыгов, что "туфли красного цвета - у князей, жёлтые - у дворян, а из простой кожи - у простых черкесов, шьются точно по ноге, со швом посередине и не имеют подошвы". Встречалась обувь из сырой кожи с плетёной подошвой. У ингушей, чеченцев, дагестанских горцев упоминается обувь из сырой кожи, сафьяна и сапоги с подошвами. У них чаще, чем у адыгов, бытовала обувь с твёрдой подошвой и каблуками.

Мужские пояса делали из кожи или ткани. Наиболее распространены были узкие кожаные ремни с небольшой металлической пряжкой, таким же наконечником, с обоймочкой для протягивания конца ремня. Богатые

люди носили пояса, украшенные серебряными и позолоченными бляшками с резьбой. На поясе носили кинжал, мешочек с пулями, жирницу для смазывания оружия, пистолеты и другое, необходимое воину.

Верхней плечевой одеждой народов Северного Кавказа являлась *бурка*. Бурка этого времени была из войлока и отличалась от более поздних тем, что была очень короткой, иногда значительно выше колен, что делало её удобной и всаднику, и пешему. Бурка имела колоколообразную, расширяющуюся к низу, форму, из-под неё виднелась черкеска. Надевая бурку на плечи, всадник маскировал своё оружие, а также спасал его от сырости, что имело большое значение для кремневых ружей и пистолетов.

Тёплой верхней одеждой горцев была *шуба*, которую шили из овчины, шкур диких животных. Как правило, она была нагольная, белая. В редких случаях, у зажиточных людей, шубу покрывали сукном. Были шубы покроем сходные с черкесской – поэтому их иногда надевали под черкеску, при этом она нисколько не отягощала, не связывала движений человека.

Заканчивая краткий обзор костюма горца середины XIX в. особо следует оговорить цветовую гамму в одежде народов Северного Кавказа. Мужская одежда этого периода характеризуется общей сдержанностью

и строгостью расцветки с преобладанием тёмных цветов. Почти все ткани однотонны и не имели рисунка. Основной тон костюму горца задавала черкеска. В основной массе адыги носили чёрные, серые и коричневые, а реже – бурые черкески. У карачаевцев преобладали чёрные, но многие носили черкески коричневых тонов. У осетин-горцев, балкарцев, чеченцев характерен коричнево-бурый цвет. Дагестанские народы носили черкески светлых тонов – серые, светло-коричневые. Славилось на Кавказе “лезгинское сукно” – грязно-белого, светло-жёлтого или желтоватого цвета ткани, которые долго не изнашивались, не рвались и не промокали. Чисто белые черкески, да и другие части одежды, были редки, считались праздничными, встречались у представителей социальной верхушки. Горцы говорили: “Белую бурку или черкеску мог иметь только тот, у кого про запас были несколько чёрных или бурых”.

Повседневные бешметы шили из тканей тёмных цветов – чёрные, коричневые или тёмно-серые. Праздничные бешметы были светлых тонов. Считалось, что к тёмной черкеске подходит белый бешмет (или светлый) и наоборот, к светлой черкеске – тёмный. Встречались бешметы оранжевого, светло-синего, зелёного, коричневого цветов. Башлыки также были двух видов: дорожные

шили из сукна чёрного и коричневого цветов, а праздничные – белые, из золотистого верблюжьего сукна, красные, малиновые, оранжевые, синие, обшитые галунами.

Только три вещи: ружьё, обувь и кинжал, без которых нельзя было жить в горах, были у горца исправны, а всё остальное – висело в лохмотьях. Настоящий джигит презирал добычу и довольствовался одной славой лихого наездника.

Оружие горца

Костюм народов Северного Кавказа нельзя рассматривать, не уделив внимания оружию и воинскому снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали – газыри, пояс и др.

В княжеских и дворянских домах ещё сохранились от предков шлемы, налокотники, боевые рукавицы, луки с налучьем, колчан со стрелами, кольчуги, но вооружение это надевалось не для боя, а в торжественных случаях. Чего нельзя сказать о кольчуге и налокотниках, которые были в действии до конца Кавказской войны. Кольчугу надевали под черкеску, иногда кольчугой защищали верх шапки (под сукном).

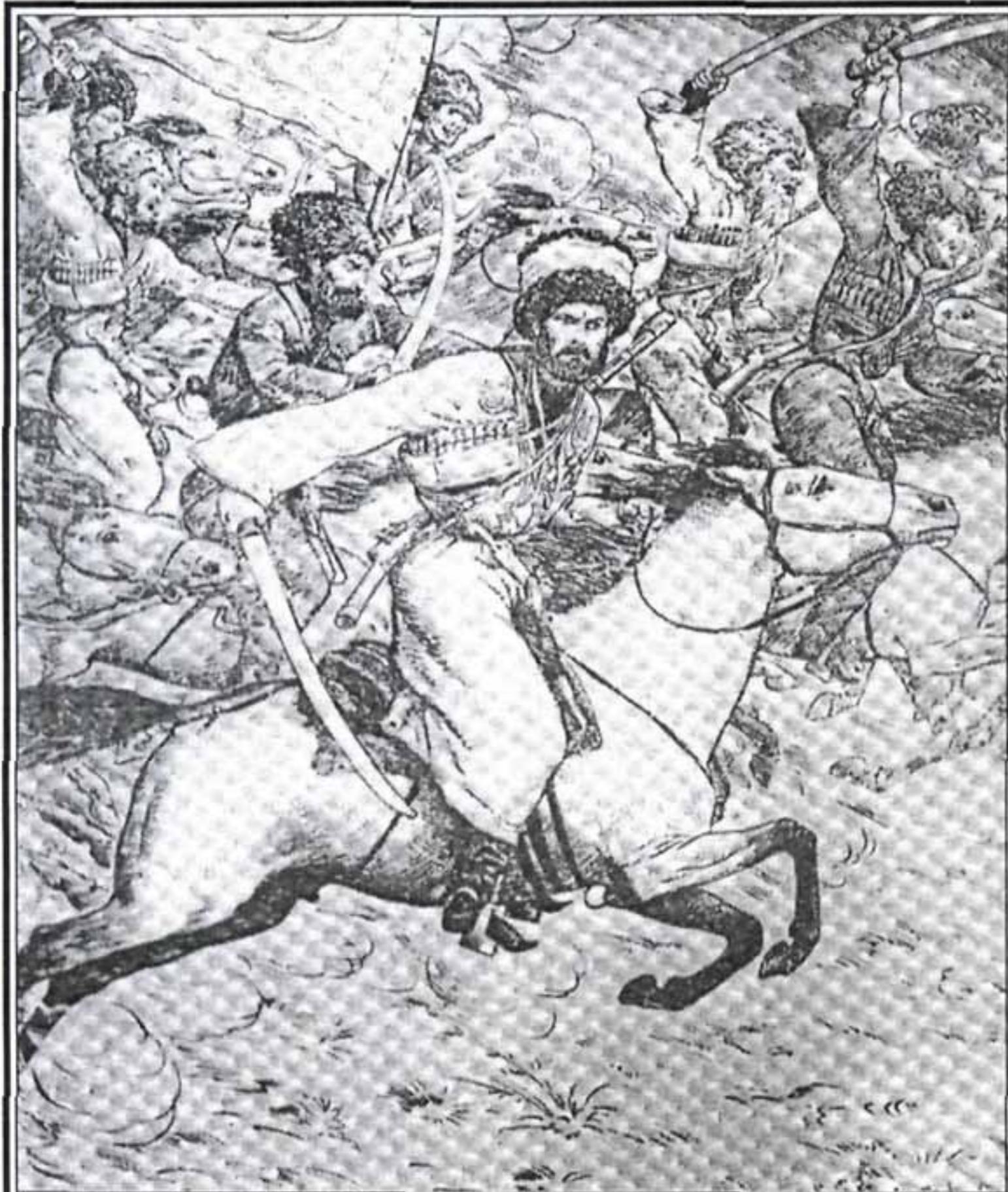
Основная часть, способных к военным действиям мужчин, была поголовно вооружена ружьем или винтовками, пистолетами, шашками и кинжалами.

Шашка – “длинный нож” – появилась у адыгов в XVII в. Это оружие отличается от сабли тем, что у него нет крестовины для защиты руки, клинок шашки короче сабельного (примерно 75 см) и мало изогнут. Носяли шашку лезвием вверх и клинок из ножен вынимали прямо перед собой, не вынося руку вправо. Лучшей шашкой на Кавказе считалась “турда”, рубившая кольчугу и ружейные стволы у солдат. Она рубила шаль в воздухе, волос, лежавший на воде, сю брились и опоясывались. Рукояти шашек делались из рога или серебра (часто позолоченного). На эфесе рукояти шашки было раздвоение, имеющее практическое назначение. Оказавшись в удобном положении, горец втыкал шашку в землю, и этот раструб, служил опорой для ружейного ствола. Встречаются экземпляры шашек, у которых рукоять до самого навершия утоплена в ножнах. Вероятно, это было подсказано желанием компактности, а возможно, и необходимостью сохранить дорогую отделку, подразумевавшую и некую конспиративность из-за блеска.

Ножны шашек были из дерева, обтянутые чёрной или зелёной кожей. Иногда ножны обтягивались бархатными, обшитыми галунами, чехлами и на них металлические обоймицы для носки ножен.

Шашку носили на портупее из галуна или кожи, отдельные части которой скреплялись металлическими пластинками. Пешие носили портупею через правое плечо, а всадники застегивали её вокруг талии. Редко имели шашки кисти, тавлинцы, так как она считались отличными стрелками.

Среди горцев Дагестана встречались сабли, которые были украшены чеканкой, эма-

Н.Х. Хаджи Мурат, мюрид

пистолеты, ружья и шашки, выхватывали кинжалы и бросались на врага, зная, что вооружённого кинжалом горца нельзя взять в плен живым.

Уроки Кавказской войны

Перед лицом сильного противника горцы Кавказа на протяжении долгого времени демонстрировали превосходные боевые качества и многие положительные стороны своей военной организации. Однако, основной военной силой горцев была, в первую очередь, личная боевая подготовка каждого отдельного воина. В то же время отсутствие достаточно чётко выраженных организационных форм лишало их ополчение необходимых в бою качеств, чем ставило его в менее выгодное положение по сравнению с регулярными войсками. Кавказские военные обычай и приёмы оказали влияние на русскую армию, особенно на те части, которые действовали на Кавказе и на казачество. Война на Кавказе показала командованию русских войск непригодность многих тактических приёмов, выработанных практикой европейских войск. В первую очередь, это касалось принципов ведения огневого боя. Борьба против мелких манёвренных и маскирующихся групп неприятеля заставила отказаться от стрельбы залпами и обратить внимание на подготовку отдельного стрелка. Свообразным тактическим приёмом, заимствованным у горцев, стала система так называемых "залогов", то есть заранее выбранных укрытий, когда стрелковые цепи передвигались от одного залога к другому, прикрывая друг друга огнём. У горцев были заимствованы и методы внезапных набегов. Завершая наш краткий обзор, можно сказать, что тактика манёвренной войны, отработанная на Кавказе с учётом мастерства горских народов, с успехом использовалась русской армией, особенно, кавалерией и казаками.

Литература

1. Бларамберг Г.И. Кавказская рукопись. Ставрополь. 1992.
2. Вилинбахов В.Б. Артиллерия Шамиля. Учёные записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. II. Махачкала. 1963.
3. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик. 1977.
4. Гаджиев В.Г. Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля в кн. Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала. 1989.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычество русских на Кавказе. Т. I. Спб. 1871.
6. Казимбек М. А. Мюридизм и Шамиль. Русское слово. 1859. №12.
7. Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 4-8. Спб. 1894.
8. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис. 1870.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX веков. М. 1989.
11. Хамар-Дабанов Е. Проделки на Кавказе. Ставрополь. 1986.

Г.Г. Гагарин. Привал в лесу

лью. Каждый горец имел кинжал – излюбленное оружие этих народов. Большой специалист по кавказскому оружию Г.П. Прозрителев прослеживал следующую типологию горских кинжалов: лезгинские, тавлинские – большие и тяжёлые (в основном для рубки и колющего удара), кабардинские – небольшие и узкие, шапсугские – короткие и широкие. Только кинжал пользовался правом на роскошное украшение, потому что был всегда на виду. Он щедро отделялся серебром с резьбой, иногда слоновой костью.

Обязательным оружием горцев было ружьё. Большая часть их была нарезным, что давало горцам преимущество в дальности выстрела перед гладкоствольным ружьём российского солдата. Встречались ружья турецкого производства с гранёными стволами, но большая часть их была сделана на месте. У этих ружей длинные узкие приклады, оклеенные кожей. Ружья местных мастеров имеют более тяжёлые стволы с серебряными обоймами и накладками на ложе, щедро украшены народными орнаментами. Часть горцев была вооружена захваченными у солдат гладкоствольными ружьями. Ружьё всегда было в бурочном чехле за спиной воина.

А вот пистолетом владел далеко не каждый горец. Однако, в ходе Кавказской войны, производство пистолетов местными мастерами было довольно широко налажено. Черкесские пистолеты имели ложи, оклеенные чёрной кожей, рукояти заканчивались костяным шариком, нередко с серебряными накладками. Дагестанские пистолеты были массивными с грушевидной рукоятью, щедро украшенные резьбой. Иногда пистолеты носили в кожаных кобурах, которые делали без дна, под пистолет любой длины. Но основная масса воинов носила пистолеты просто за поясом – спереди, сбоку или за спиной. Интересен приём ношения пистолета за спиной: при движении горец придерживал этот пистолет за выгиб правым локтём – из-за опасения, чтобы враг не выхватил внезапно этого оружия.

Высокого качества порох, насыпавшийся на полку кремневого замка пистолета или

ружья, держали в пороховницах. Их делали из дерева, рога или кости и украшали серебряными накладками. Форма была у них различной: круглые, изогнутые, конусообразные и другие. Носили пороховницы во внутреннем кармане под газырями, на узком ремне через левое плечо, привязывали на пояссе.

Основной фон боевого горского ружья тёмный. А. Бестужев-Марлинский

упоминал, что клиники шашек и сабель горцы смазывали чёрной нефтью. Это не случайно. Пожалуй, прав историк С.Х. Мафедзев, высказавший мнение, согласно которому густая чернь, украшающая оружие, помимо своего художественного назначения, была призвана иметь и самое практическое – приглушать, дабы, как говорили запорожские казаки: "вражеское око на ясной сбре не играло". Сами казаки для этой же цели окунали ружья в воду, чтобы перед походом они покрылись ржавчиной.

Весь костюм горца и его вооружение были, как нельзя лучше, приспособлены к военным целям. Бурочный чехол скрывал его винтовку от грязи и пыли; она закидывалась за спину через левое плечо, ремень к ней был пригнан так, что горец мог легко заряжать её на всём скаку и стрелять. Шашку горец особенно любил и владел ею в совершенстве. Шашку пригонял так, чтобы она его не беспокоила во время езды. За поясом заткнуты были два пистолета (один из них – сзади). Спереди висел кинжал. На поясе висела жирница (для смазки ружья), отвертка, сумка и т. д. Не смотря на то, что воин был обвешан оружием, оно пригонялось так, что одно не мешало другому: ничего не бренчало, не болталось, а это было весьма важно во времяочных набегов и засад. Наездники шпор не употребляли, но погоняли лошадь тонкой плетью, с привязанным на её конце плоским куском кожи, чтобы при ударе не причинять лошади боль.

Часто встречая неприятеля в засаде спешенный, он возил за седлом присошки, сделанные из тонкого и гибкого дерева. Они имели вид циркуля – два тонких деревянных прута вверху связывались ремешком. Свободные концы втыкались в землю, а поверх кладётся ружьё. Иногда пеший пристёгивал присошки к ружейному чехлу.

Захваченные конницей врасплох, горцы бросали ружья за спину, шашки в ножны, выхватывали в левую руку кинжал, а в правую брали пистолеты. В таком положении они были весьма серьёзными соперниками даже для опытных кавалеристов. Будучи окружены противником, горцы отстреливались до последнего выстрела, потом ломали

